

Владимир Романов

Поэты и их стихи

Пародии и шаржи

Том 6

Николай Байтов

Скажи кизил, который я сказал:
не вкусом — лыком сам язык вязал.
Не ликом весел враль:
забыл с Кавказа в рай не взял словарь.

Я сто акцентов знал. Давно старик.
А вот лишь по церквям дразню заик.
Устал, забыл, ослеп.
Скажи кизил, Господь наш Логопед.

Кто кровью окропил холмы вокруг,
окрасил привкус мне слюны во рту? —
я вырастил куст слов.
Свяжи кисель в раю Твоим узлом.

Владимир Ром

Я долго думал и стихи писал,
Кизил мне тему лыком, вкусом подсказал.
Я сто акцентов знал, устал, забыл, ослеп,
Кисель окрасил правду мне, Господь наш
Логопед.

Николай Беседин

Владимир Ром
Ковал он строки соц-реала,
Для пролетариев страны.
Но разгромили государство,
Социализма без войны.

Николай Болдырев

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса

Владимир Ром

Когда б оставили тебя,
И волен был бы ты тогда,
Как вихрь рыл бы ты поля,
Ломал леса в чаду, в бреду

Николай Винник

Пролетит то сорока, то голубь-
Замерзают в ангаре мечты,
В фюзеляж забирается холод,
Напиши, поэтесса, в Кресты,
Напиши ,поэтесса, пилоту,
Свежий ветер пусть чувства проймёт.
Подготовит он планер к полёту,
И тебя в стюардессы возьмёт.
И когда к нему с дуру приедешь,
То в ангаре увидишь бардак:
Самолёт весь в прогнившей одежде.
Вряд ли сядешь надохлый летак.
Объявления в другие газеты
Продолжает строчить фидеист,
Верит, ангелы пишут сонеты,
В рай готовит летак альтруист.

Владимир Ром

Напиши поэтесса пилоту,
Что с налётов влетел в Кресты.
Альтруистом он был не поэтом,
Не строчил для газет стихи.
Его планер летак с фюзеляжем
Был к налётам совсем не готов.
Но зато на дела с стюардессой,
Он с тобою планирует вновь.

Николай Голь

Напишу-ка роман со стрельбой,
С авантюрно-кровавым сюжетом,
Экшн эдакий, фикшн какой...
Впрочем, даже не будем об этом.
Чем, словесную плоть теребя,
Возбуждать вожделенье невежи,
Лучше мне говорить про себя
(а не вслух)
про себя и себе же.

Владимир Ром

Мудрость ваша себе про себя
Не придумана даже Сократом.
Почему же нельзя возбуждать
Вожделенье невеждам всяким.
Или есть в ней секрет государства,
Или то, что они не поймут,
Или тайного нет интереса.
Значит незачем пудрить мозги нам всем
тут

Николай Гуданец
Изыде сеятель сеяти семена своя.
Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды.....
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Владимир Ром
Хватили круто, ничего не скажешь,
Народы – стада, им лишь ярмо да бич.
Вы сам – то, не из того ли стада?
Которого лишь резать или стричь.
Я понял, Вы помазник Божий,
Особой миссией, как гений одарён,
А внешне полулысый с бородою,
Ну, прямо как из стада, где самец козёл

Николай Гумилев

Надменный, как юноша, лирик
Вошел, не стучась, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нем.
С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлей лакированной топнул,
Едва проронив: «Не люблю».
Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!
Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной.
Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.
И стал я с тех пор сумасшедшим.
Не смею вернуться в свой дом
И все говорю о пришедшем
Бесстыдным его языком

Владимир Ром

Он стал подражателем моды,
Не ведая вовсе о том,
Читал и писал стихами,
Бесстыдным её языком.
Эпигр.
Русский поэт “Серебряного века”,
Создатель школы акмеизма, критик, путешественник и
офицер.
Муж поэтессы Анны Ахматовой,
Расстрелян коммунистами в 35 лет.

Николай Звягинцев

Этот перекресток, дом в беретке,
Соль на башмаках и виды юга,
Дружба с мальчиком из газовой горелки,
Рыжая лиса его июня.
Мы с женою на ладейном поле.
Вторник, собственного голоса спина.
Никого от подоконника до пола,
Где коня меняют на слона.
Как у Иоанновского равелина
С деревянным языком шершавым –
Воды из зеленого поплина,
Всадники и люди мелким шагом

Владимир Ром

Как у Иоанновского равелина,
Воды из зелёного поплина.
Всадники и люди мелким шагом
С деревянным языком шершавым.
Этот перекрёсток виден с юга,
Где коня меняют на слона.
Рыжая лиса и дом в беретке,
Собственного голоса спина.
Мы с женой из газовой горелки,
Соль на башмаках и голоса спина.
Дом в берете на ладейном поле.
Дружба с мальчиком по его воле..
И на большее уж нет ума.

Николай Кононов

В садок
Судей
Свел Бог
Детей –
Они
Теперь
Одни
Жгут Тверь,
"Байкал"
Лия
В оскал
Жилья, –
В любом
Окне
Погром
Огней
И их .
Шутих,
Что стих
Пых-пых,
И слег
В закат
Огнем
Умят.

Владимир Ром

Стихи ваши, как вехи с виду
И телеграфные столбы несут слова,
Шутих, Байкал, погром огней, в оскал
жилья,
Слила в унитаз широкая труба.

Николай Некрасов

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои - плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,-
Нет! свой венец терновый приняла
Не дрогнув обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла

Владимир Ром

Он с подлостью не заключал союза,
Его стихи тяжелых дум, сокрытых слёз
обзор.
Ни почестей, ни денег не имел при жизни,
На веке в памяти остался он.

Эпигр.

Родился в Винницком уезде,
Поэт Российский, писатель, публицист.
Стихи писал остросоциальные,
Горе народное отражая в них.

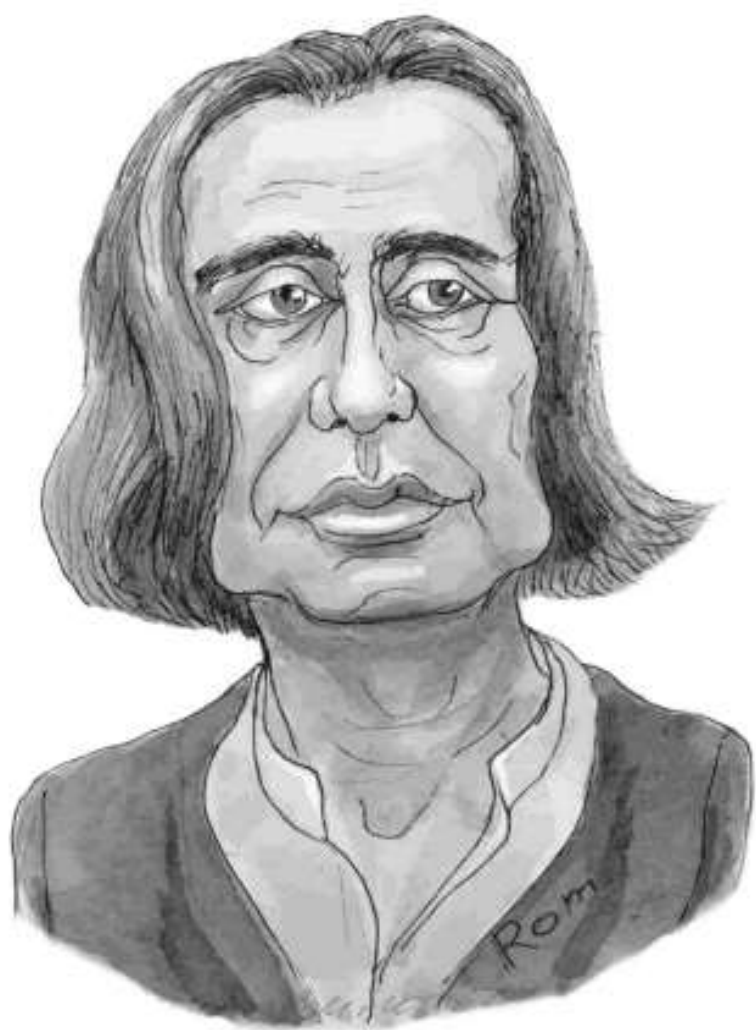

Нина Виноградова

Тридцатое. Луна в Тельце.
На небе — прерафаэлиты.
За семь годов беда избыта.
Есть перемены. На лице.
И всё по кругу. Как Луна.
Верней, Земля. Одно и то же.
Словесность только нам поможет
и книжек верная стена.

Владимир Ром

Как просто и со вкусом,
Все беды астрологией списать.
Сказать словесность нам поможет,
И в книгах счастье поискать.

Нина Искренко

Я буду здесь лежать пока не заберут
пока не заподозрят не заметят
Пока все ласточки не улетят на митинг
Все ПВО не вымечут икру
Я буду здесь лежать не двигаясь к звезде
не приближаясь к истине и цели
Есть многое на свете генацвале
Есть многое, но видно не везде
Вот здесь к примеру нету ничего
Здесь я лежу не двигаясь на митинг
не приближаясь к ласточке заметят
не приближаясь Воздух ПВО

Владимир Ром

Ваш стихоребус трудно познаваем,
Лежите вы в середине ПВО.
Пока не заберут, не заподозрят,
Когда закончите метать икру.
Из Грузии какой-то генацвале
Следит о многом не везде,
Когда все ласточки не улетят на митинг,
Проконтролирует весь воздух ПВО.

Нина Морозова

Опять зима морозец растеряла...
Ночь. Лепит мокрый снег и бьёт в стекло.
Один звонок и всё на свете зло
В сплошной комок судьба моя связала.
Вся жизнь - раскрой, тяжёлое лекало,
По цифрам, по бегущему табло.
И поезд мой ушёл (не повезло)
Последний от затихшего вокзала.
Ответьте же, ответьте кто-нибудь
(Уже давно не спрашиваю Бога)
Ну, почему одним свободный путь,
Другим... всегда тернистая дорога?
Ни друг, ни враг, никто не отвечает.
Зима берёт своё. Мороз крепчает.

Владимир Ром

Хочу ответить я на крик души твоей,
Что поезд Твой стоит у запасных путей.
Ты не туда пошла и Ты не тех искала,
Где был не твой раскрой и не твоё лекало
.
Беда всегда исходит из нашего начала,
На зло плохих людей Ты тем же отвечала.
Посей и Ты добро в сумятицу людскую,
Получишь Ты любовь, да еще какую!

Оксана Нездейминога

Весь мир- театр, и мы в нём- лишь актёры...
Какие страшные, но верные слова...
Мы рождены играть прописанные роли,
И в пьесе Жизни режиссёр- Судьба...
Мы без раздумий маски надеваем,
Меняя каждый день десятки лиц...
Кем родились- порой уже не знаем,
И путаемся в бархате кулис...
К себе самим бредём как пилигримы,
Неся в котомках прожитые дни...
А Жизнь идёт, а Жизнь струится мимо
И в поисках Себя мы вновь одни...
Мы иногда меняемся ролями,
Выпрашиваем несколько реприз...
А Жизнь смеётся, Жизнь играет нами...
И лишь в конце позволит бенефис...

Владимир Ром

Как точно Вы сказали «Мир – театр»,
Но роли не всегда нам раздает Судьба.
Одним они даются по наследству, другие их по
блату достают,. играем мы свои или чужие роли,
Стараемся от всей нашей души,
Кому то достаются лавры,
Кому то лишь одни шиши.
Преуспевают кто, а кто плетется сзади,
Всегда виним мы – режиссер Судьба.
Мы сами не справляемся с задачей,
Хоть жизнью предоставлена она.
На этой сцене убивают натурально,
Рождаемся и погибаем мы
И хоть смеемся мы и плачем гениально,
Аплодисментов не дождемся мы.

Оксана Сологуб

Ничего от меня не осталось
Лишь любовь.
Даже страшная эта усталость
Будоражит мне более кровь.
Не смогли, не смогли изувечить
Образ Твой, что в себе я несу
Не затухший Огонь-лампады
В сердце бережно, с Верой храню.

Владимир Ром

Веру в сердце и огонь лампы
Я не знаю куда несу,
Образ твой я храню от увечий
И любовь, что осталась к нему.
Эта страшная жизни усталость,
Не взбодрит мне остывшую кровь.
Жизнь шальная наверно промчалась,
Не вернуть мне ушедшее вновь.

Олег Асиновский

Абы падкий был он
до мужской любви
дотемнятник,
от него бы думами полн,
въяви, въяви
отник досветлятник,
взбрел на пригорок,
а через сорок
дней познал в разговоре
женский сок в помидоре

Владимир Ром

Познать женский сок в разговоре,
Отник въяви досветлятник.
Олег абы падкий до мужской любви,
Сочинил эти въяви мудрые стихи.

Олег Пащенко

Догорает осень,
На исходе краски,
Одолжи немного
Для меня ты ласки.
Я живу мечтою,
В светлом ожидании,
Я живу с тобою
У себя в сознании.
Попрошу прощенья,
Вновь дождусь я встречи,
Прогоню терпенье
И раздену плечи.
Я люблю и верю,
Я прошу и помню,
Отвори мне двери
И себя заполни.

Владимир Ром

Не хватает краски,
Не хватает ласки.
Нет совсем терпенья
Писать стихотворенье.
Как живу с тобою,
Лишь в больном сознание,
Как раскрою двери,
Я в своём признание.
И раздену плечи,
Брюки и сандалии.
Помню и прошу я
Твоё лишь осязанье.

Олег Рогов

Подари мне букетик цветов,
Самых первых и самых весенних,
Я устала от азбуки слов
От признаний в стихотвореньях...
Если можешь, не мучай, не жги,
Не терзай ни перо ни бумагу,
Не считай под окошком шаги –
Постучись, наберись же отваги!
Постучись, и толкну я в ответ
Створки лёгкие звёздам навстречу.
И весь мир будет нами согрет,
И уснут под дыханием свечи...
Подари мне букетик цветов
Часть весны, часть дыхания лета.
Мне не нужно иллюзии слов,
Я люблю тебя не за это...

Владимир Ром

Достал любимую стихами,
Азбукой слов её томил,
Терзал перо ты и бумагу,
Цветов подруге не дарил.
А ларчик просто открывался.
Она ждала весны цветы,
Букетик первых из-под снега,
Дыханье утренней весны.
У женщин разные понятия,
Кому стихи, кому цветы,
Кому физическая сила,
А кому деньги, пойдя спроси

Олег Юрьев

Успешным будь, не ищи сложный путь.
Дебилоскоп включи, успех изучи.
Диплом получи, на работу пойдя.
Связями обрастай, друзей забывай.
Начальству лижи, народу не служи.
По головам шагай, конкурентов устрани.
Воруй, не ленись, но с шефом делись.
Коррупцию "добей", на взятки не жалей.
Хорошо укради, к олигархам перейди.
С утра - коктейль, вечером - Куршевель.
Любви сторонись, к сексу стремись.
В церковь заходи, смирение покажи.
Работягам лги, себя береги.
Хитростью гордись, над предками
глумись.
Успешным будь, не ищи трудный путь.

Владимир Ром

Хрестоматию к успеху вижу изучил,
Алегархов заповеди все изложил.
Но, сказать про деньги видно позабыл,
О самом и о главном ни слова не пролил.

Ольга Зондберг

Черным по серому - страшно и странно,
Кисть, занесенная над...
Люди, уйдите с переднего плана,
Там начинается ад,
Черной дырой, уходящей за плоскость
Вглубь, настигая за ней
Всех, позабытых когда-то так просто,
Словно приснившихся мне,
Черным по жизни - нисколько не странно,
И повторялось не раз:
Не отойдете с переднего плана -
Кисть доберется до вас.

Владимир Ром

Вы трактуете сущность картины Малевича,
Как одну из многих идей.
А за чёрною краской квадрата
Нет никаких страстей.
Может быть это уловка еврея
Народ позабавить и надурить.
Главное то, что ему удалось
В свою гениальность людей убедить.

Ольга Кучкина

Отравила меня жизнь, отравила,
всякой дрянью из судков перекормила,
ну, а я-то что ж, совсем невиновна,
как дурак глотать бессчетные говна.
Я хотела быть, как все, и даже ближе,
а в то же время выше стать, а стала ниже,
перепачканные белые одежды,
перепорченные кислые надежды.
Травит душу, мучит рвота, как рота,
от солдатской вони мелкая икота,
что издевкой, что насилкой, всё больно,
еще хуже, когда добровольно.
Быть участником пирушки постыдно,
повара в крови, что так очевидно,
разблюдовка раз от разу всё хуже,
неужто это он и есть, последний ужин?
А как хочется, не можетя напиться
из криницы чистой-чистой водицы,
в свежий ветер,
как в тряпицу, завернуться,
от себя рвануться и – не вернуться.

Владимир Ром

Нахлебались вы дерма добровольно,
Из стиха это всё очевидно.
Перепачканы белые одежды,
Никакой не осталось надежды.
Говорите вы во всем не виновна,
Так зачем проглотили говна.
Кто мешает водицы напиться
Чистой-чистой из свежей криницы.
От постылой судьбы отвернуться
И с молитвами к Богу вернуться.

Ольга Мартынова

прозрачные дома входят друг в друга,
память рисует их нечетко и грубо,
холодное солнце коптит над невой.
все кто умер, пока меня не было дома,
как бы живы. по новенькой мостовой
мимо их домов я не ходила,
я не видела той пустоты,
что стоит наподобие пустоты от зуба.
как летучие мыши висят мосты,
сторожа моих мертвых, холодный чердак
мой город в ноябре. кого я не проводила -
все как бы живы. как бы не так.

Владимир Ром

Чтобы солнце светило, коптило,
И входили друг в друга дома,
Никто никогда не видел,
Только Ольга узнала одна.
И мосты как летучие мыши,
Не висят во всём мире нигде.
Сторожа её мёртвых в могиле
В холодном чердаке в ноябре.
Смерть уносит родных и близких
Будь ты рядом иль вдалеке.
Всё предписано Господом Богом
В каждой из нас судьбе.

Ольга Рычкова

Сто тысяч раз взлетали птицы с Капитолийского холма.
И боги отвращали лица, и люди прятались в дома,
Пока росла и тяжелела громада камня и огня.
Она сжигала, не жалела волчонка глупого — меня.
Что знает вещий археолог про волчий коготь, волчий клык?
Он зрит лишь мраморный осколок, он чтит лишь мраморный
язык, не замечая ключев пены, что с губ роняла волчья
пасть...
Не для того я шел сквозь стены, чтоб в прах к ногам его
упасть.
И берега далекой Леты, где я бродил, угрюм и слаб,
Хранят не пыльные монеты, но отпечатки волчьих лап!

Владимир Ром

Громада камня и огня
Сожгла волчоночку тебя.
Всем археологам конечно
До лампочки твоя судьба.
Не интересен волчий коготь,
Не интересен волчий клык.
Ну для чего ты шла сквозь стены,
Чтоб стих короткий сотворить,
Чтобы из пасти ключев роняя пену,
Прежде чем к ногам его упасть.
И время стерло отпечатки
Твоих неугомонных лап,
Хоть и хранит стихотворенье
Память Капитолийского холма.
От твоих лап у того камня
Не сохранилось ничерта.

Ольга Седакова

Вот она, строгая жизнь, посмотри, на прорехе
прореха, зеркало около губ, эхо, глядящее в эхо.
И сухие глаза закрывая, волосок к волоску
подбирая, трудные швы тербит и кивает, себя
обрывая...как ты уйдешь от меня, по-другому
живая?

Не покидай, говорю, я еще и еще залатаю.
Видишь, как сыплется ветхая ткань, как иголка
дрожит золотая...

; Что мне за дело? я слышу слова, но уже не
сыщу утешений, только на цыпочки встану и
шарю вверх, и летят из распахнутой тени стаи
щебечущих, плачущих, беглых и пьющих
растений...

Владимир Ром

Не сыщу я нигде утешений
В стане беглых и пьющих растений.
Как уйдешь от меня ты живая, волосок к
волоску подбирая, и сухие глаза закрывая
Строго в жизни на прореху смотря.
Наблюдая как сыплется ветхая ткань,
И растения плачут, щебечут в тени,
Так дрожит игла золотая,
Промелькнув на закате вдали.

Ольга Сульчинская

Каким-то словом и каким-то звуком
Душа опять томительно больна,
И этим свыше данным ей недугом
Она блуждать впотьмах обречена,

Чтобы из всхлипываний и ночных
терзаний,
Плюс из пугающих обрывков сна
Создать себе без всяких оснований
В каких-нибудь семь дней пучок лучей,
Чтоб жизнь осмыслить, удержаться в ней.

Владимир Ром
Душа больная каким-то словом,
Блуждать впотьмах обречена,
И с этим свыше данным ей недугом,
Рожать его в стихах должна.
Осмыслить жизнь, в ней удержаться,
Сквозь неопознанных пучок лучей,
В семь дней и в семь ночей без усталости
сна
Писать стихи-грехи должна.

Ольга Татаринова
Каким-то словом и каким-то звуком
Душа опять томительно больна,
И этим свыше данным ей недугом
Она блуждать впотьмах обречена,

Чтобы из всхлипываний и ночных
терзаний,
Плюс из пугающих обрывков сна
Создать себе без всяких оснований
В каких-нибудь семь дней пучок лучей,
Чтоб жизнь осмыслить, удержаться в ней.

Владимир Ром
Душа больная каким-то словом,
Блуждать впотьмах обречена,
И с этим свыше данным ей недугом,
Рожать его в стихах должна.
Осмыслить жизнь, в ней удержаться,
Сквозь неопознанных пучок лучей,
В семь дней и в семь ночей без усталости
и сна
Писать стихи-грехи должна.

Осип Мандельштам

В огромном омуте прозрачно и темно,
И томное окно белеет;
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?

То всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.

С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай;
Как небылицею, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

Владимир Ром

Он в омуте прозрачном заблудился,
С тяжелым сердцем медленно пошел ко дну,
Как небылицею своей тоской томился,
И душу скукой мучил он свою.

Эпигр.

В Сорбонском, Гейдельбергском,
Петербургском
Университетах набирался знаний.
Потом с большим пристрастием писал стихи,
Считал Социализм - объятьем сатаны.
Закончил фразой «Мы живем под собою не чуя
страны....»

Павел Антокольский
В доме человек бессонный,
Непогодой потрясенный,
О любви безбожно врет.

Дикий ветер. Темнота.
Человек в ущелье комнат
Ничего уже не помнит.
Он не тот. Она не та.

Темнота, ожесточаясь,
Ломится к нему нещадно.
Но и бранью непечатной
Он не брезгует сейчас.

Хор ликующий стихий
Непомерной мощью дышит.
Человек его не слышит,
Пишет скверные стихи.

Владимир Ром
В темноте стихи он пишет,
Ничего не помнит и не слышит.
Непочатой бранью дышит.
И о любви безбожно врёт.

Эпигр.
Поэт, переводчик, режиссер, драматург,
Лауреат Сталинской премии,
Писал поэмы, очерки, стихи,
Господства социалистического времени.

Павел Арсеньев

Вначале слово было у немногих,
и поэтому речь шла о них же.
Когда угнетенные заговорили,
придрались к их запаху изо рта.
Так появилась Стоматология.
Так появилась Церковь.
И многие прочие богоугодные заведения.

Владимир Ром

Богоугодных заведений очень много
И запах изо рта здесь не причем.
Стоматология явилась для немногих,
Для всех лишь церковь упоительным
вином

Павел Банников

Хмурое небо снегом плевалось,
Иглами холода жалил мороз.
По мёрзлой дороге колеса вращались,
На местный погост дед покойника вёз.
Вдали уж церковная макушка блестела,
Не видел старик, как за спиной у него
Ткань, прикрывавшая холодное тело,
Зашевелилась ни с того ни с сего.
Пока мертвец вставал и жутко выл,
Ни разу дед не обернулся назад.
И как в овраг оживший труп соскочил,
Не слышал возница, ведь он был глуховат.
Хмурое небо плевалось снегом,
Безжалостный холод до костей пробирал.
У церковной ограды на пустую телегу
Растерянный кучер изумлённо взирал.

Владимир Ром

Плевалось небо белым снегом,
На местный погост дед покойника вёз.
За то, что мертвец жутковал и вставал,
Стащил мертвеца Павел с телеги у деда.
Чтоб деда возницу мертвец не пугал.
Растерянный дед изумлённо взирал,
Как Бог преждевременно покойника взял.

Павел Гольдин

У Кузьминишны племянница
одевалась в чёрное и розовое,
громко смеялась, тыкала пальцем,
говорила — я нежная, я честная,
пошла на фронт медсестричкой
на Кавказ, воевать с грузинами,
попала в плен, вышла замуж
за главного террориста,
живёт в гареме, ходит в мечеть,
звонила Кузьминишне — говорила,
учусь в академии на нейрохирурга,
делаю биологических роботов,
я же ведьма, волшебница,
скоро захватим вас в четыре утра,
отнимем Казань и Курск,
приезжай ко мне, Кузьминишна,
изюму поешь, кураги.

Владимир Ром

В ваших фантазиях идей не разобрать.
Образ племянницы Кузьминишны так ярок.
Из нежных девочек на фронте медсестричка
С грузинами решила воевать.
За террориста замуж, учёба в медицине.
Волшебная фантазия стишка.
Коротенькая сказка, но мечта большая
Наверно тоже жить среди стихов должна.

Павел Жагун
Оголённый чужой вокзал.
Твой бумажный стаканчик пуст
и окурок прилип к губе.
Ты, наверно, не всё сказал,
облетевший прозрачный куст.
Все слова на кривом столбе.
Видишь, лёгкий прощальный взмах:
красный лист пролетает двор,
возвращаясь в ладонь с небес.
Так и в ранних твоих стихах
всё меняется до сих пор.
С каждым годом. Само по себе.

Владимир Ром
Ты попал не на свой вокзал,
Облетевший прозрачный куст.
Твой стаканчик бумажный пуст,
Докурить сигарету не успел.
Потому, как душою не смел,
С ранних лет пишешь эти стихи.
Все слова на кривом столбе,
В красных листьях они с небес
Возвращаются в ладони как бес.
С каждым годом само по себе
Не меняется это в тебе.

Павел Лукьянов

все, что от сволочи было, я потихоньку умножу,
больше меня не проймете пылкой вселенною
ложью будто в любое мгновенье может
примчаться подмога:
сверху опущенный зонтик нами живущего бога:
будут рассказаны сказки, сделано то-то и та-та,
все босанятые дети в деньги глядят мрачновато:
знают откуда подует, знают: где бабушка с
дедом: не в фотографии юной, а заметенные
снегом.
потому и бубнит сурдинка, оттого и слоняются
люди, через это и кушает время человеческий
ходик на блюде.

Владимир Ром

Ваше время – человеческий ходик на блюде
Замолкла сурдинка, где слонялись люди.
Бабушку с дедом занесло снегом,
Мрачно дети смотрели на деньги.
Всплыло всё пылкой весёлой ложью,
И не ждать ниоткуда подмоги,
Коль умножил все, что в тебе от сволочи было
На своё поэтическое светило.

Павел Митюшёв

Нога Петра (эпохи Барбароссы)
отполирована в процессе эволюции,
как бронзовый наган в руке Матроса,
что на платформе "Площадь Революции".

Владимир Ром

Солдаты, матросы, пролетарии рабочие
Эпоху Социализма забрали с собой,
Сидят согбенно под землей
На станции метро "Площадь Революции".

Павел Настин

на полусогнутых и вечно полупьяным
в бурьянах расстояний в метр непрео
долеватель отцвет еще одни нескучный
сомолчатель твоих отбликов рефлектирующих
небко, что мне за дело бабочка до твоего
роскошного полета до плоти твоих
ультрафиолетов до семи
отики твоей совиной мудрости на день
прости меня и дальше дальше дальше в небко,
где только день за долем дол отдашь долги
заняв у пред
рассудков и умирать свободен

Владимир Ром

На полусогнутых и в полупьяном состоянии,
наверно эту мудрость сочинял.
И бабочку в ультрафиолетовых оттенках,
Рукою пьяною в бурьяне погонял.
Один нескучный сомолчатель рядом,
Твоих отбликов, рефлектирующих небко ловил,
Просил долги отдать, заняв у предрассудков,
И дальше, дальше в небко,
Где только день. сходил.

Павел Нерлер

Есть близорукие высоты –
сквозь дымку брезжит шапка льда, –
недостижимые, как ноты
контроктавы для альта.
Ты прозевал своё призванье,
ты сам жар-птицу упустил.
В полнеба вспыхнуло сиянье –
ты спал, не набираясь сил.
Всему отыщутся причины,
всё вытерпит незрелый стих.
Есть недоступные вершины –
они у самых ног твоих.

Владимир Ром

Для человека всё доступно,
Высоты гор и шапки льда,
Контроктавы для альта.
Но видно всё не для тебя.
Сказал, что прозевал призванье,
Однако пишешь этот стих
И все прекрасно понимаешь,
С ним не ловить тебе жар-птиц.
В полнеба вспыхнуло сиянье,
Затем настанет светлый день.
Не упускай его мгновенье,
Преграды все преодолей

Павел Пепперштейн

Ты думала, это мишка плюшевый и простой
А это черная книжка с таинственной душой
Ты думала, это поезд нас в дальние страны
везет,
А это мерцающий пояс застегнутый наоборот.
Ты думала, дальние страны есть где-то на этой
земле,
Но дальние страны - туманы осевшие на стекле.
Ты думала, это котик на кухне из блюдечка
пил,
А это чудовищный ротик всю душу мою
проглотил.
Ты думала, это могила чужого тебе старика,
А это я, твой милый, лежу неподвижно пока.

Владимир Ром

Ты думал лазурное море
На солнышке громко шумит,
А это слёзное горе ярко блестит.
Ты думал, что радость охота,
А это криминала болото.
Хотел ты в подарок ботинки,
А получил от рекламы картинки.
Ты думал в ночи мотыльки,
А то от ботинок шнурки.
Ты думал летят соловьи,
То по деревьям ползут муравьи.
Ты думал стихи писать утеха,
Но может быть и над тобой потеха.

Петр Попов

Я сегодня ужасен сегодня не согласен
Повернись спиной отхватят пол ноги,
А ты извернись смоги на две с половиной тысячи
проживи изловчись себе помоги
Я сегодня ужасен, я сегодня не согласен
Я как побитое лицо прекрасен
Ура я согласен жить на две тысячи!
Ура я согласен бесплатно ездить в метро!
Отскаблите меня от асфальта там Осталось одно
пальто и я сегодня не согласен, ведь я сегодня
ужасен мы б ещё потерпели но..От меня
осталось одно пальто.

Владимир Ром

Всё ясно, ты ужасен и не согласен на две тысячи
жить.
И себя от асфальта всякий раз отскоблить.
Но, ты согласен, что прекрасен,
Как побитое лицо, заверни себя, как достойную
личность, В то оставшееся пальто, пойди
продай на рынок биржи,
Где торгуют только людьми.
Все как рабы мы в этом мире
И много прейскурантов на всякие труды.
Попробуй поторгуйся, но только не спеши,
Найдется покупатель и на твои мозги.

Петр Чейгин

Как белая церковная стена
Лежит бумага на рассвете лета...
Ты, разогнавшая меня до дна
Колодца огорода, ты одна
Вернулась в дерева ребром сонета.
Мне — Каргополь и белая стена,
Мне — линзы Севера и мятые ветра,
Да Розанова листья на пороге
Следит облагороженная печь
За мной — оглядышем и впору слову лечь
На мозг бумаги, как на шрифт дороги.

Владимир Ром

Следит облагороженная печь
После прочтения стиха куда бы лечь.
На мозг бумаги шевеля руками,
Оглядышем на шрифт дорога к маме.
Измучен Линзой севера и мятыми ветрами,
Каргополь снится и белая стена.
И церковь за стеной, бумага на рассвете лета,
Не получить вам в Рай бесплатного билета.

Петя Птах

-умирание не лёгкое дело, не до игр мне сейчас
-ты умирающая, а я сделаю тебе предложение как идиот
-умирать так не просто! я умираю и даже не намекай
мне на постель
-слушай, я уже совсем привык к твоему умиранию,
может попробуем разок
-умирать так умирать, но спать я с тобой не буду
-я подарю тебе босоножки – зачем умирать босой
-знаешь, каково умирать? даже шуберт кажется
размазнёй -умрёшь – завещаю мне свою смерть – я буду
ей торговать -в самый разгар моей смерти скажи мне,
как ты меня любишь -я люблю тебя больше чем любые
рифмы я так люблю тебя, что про минет и думать
забыл я люблю тебя так, что вот-вот заиграю на
скрипке -а я вот умираю – и хотя это глаз не радует –
стану святой -но от чего, от чего же ты, всё таки,
умираешь – не от побоев ли? -нет, отнюдь

Владимир Ром

Наверно стих написан на погосте
Среди запущенных глухих могил,
Когда решил уйти из жизни,
И белый свет совсем не мил.
Додумался, чтобы просить подругу,
Смерть в завещании свою оставила тебе,
А ты бы продавал её, да и ещё при этом,
Себя к святому лику приобщил.
Юродничал ещё и на тот случай,
Когда с подругою в постели пребывал.
Чем мучить мыслию себя о смерти,
Лучше бы в рулетку русскую сыграл.

Полина Андрукович

ночами обомлевшими от счастья
я шла. Томился в кухне зверь
чудной, мелело в ванной, млечное
кончалось, и было
«свежий ветер в форточку», цвело
кобылье тело, расширялось
эзотерически. Растянутое «время»
однажды лопнуло, и он меня
поцеловал.
Потом спала я

Владимир Ром

Эзотерически кобылье тело цвело и
расширялось, как могло,
Мелело в ванной млечное, кончалось и
было.
От счастья обомлевшая я села на него,
Губы слились во времени, не помня
ничего.
Потом спала я долго, не зная для чего.
Растянутое “время” лопнуло, томился в
кухне зверь.

Поль Лани

Я вижу капельки росы,
Что выпали как снег,
И в тёмных локонах твоих
Оставили свой след,

Они горят как светлячки
На бархате ночном,
Как звёздочки дрожат они
Полны живым огнём,

Как искры жаркого костра
В глаза мои летят
И сердце нежностью до дна
Они согреть спешат.

Владимир Ром

Роса небесный дистиллят
Оставила свой след,
Наверно смыв окрас волос
На локонах твоих.
Как звездочки дрожат они
На бархате ночном.
И брызжут и кипят, согретые
Твоей души теплом.
Как мало сердцу моему,
Потребно от тебя.
Увидеть искры от тепла,
Вскипевшую росу.

Псой Короленко

Из руки Божья где мы спали -
Как долго,и мы не вставали
И помнишь ты как розы молодые
Когда их видишь утром раньше всех.
Все наше близко. Дали голубые
И никому не нужно грех.
Вот первый день могу сказать.
Все прошлое былина стало
И это было очень мало
И мы теперь должны начать.
Что будет? ты не беспокойся
И от гибели не бойся.
Ведь даже смерть только предлог.
Что еще хочешь за ответа?
Да будут ночи полны лета
И дни сияющего света
И будем мы и будет Бог.

Владимир Ром

Как видно всё от Бога получили
И позы молодые и дали голубые.
Но, видно, что вам мало,
Что мало спали и в рань вставали.
Так повторите всё сначала,
И в дни сияющего света,
Не ждите божьего ответа,
Погибели не будет вам.
Флаг в руки и вперёд,
Отчизна к подвигу зовёт.

Регина Васильева

Эта ночь была нежным пленом,
В небе звезды, как в сердце мечты,
Может ангел ты, может демон,
Только лучший из лучших - ты!
На столе догорали свечи,
Плыл по комнате легкий дурман,
Я твои целовала плечи,
Твои губы шептали...обман.
Эта ночь была нежным пленом,
Мы испили любовь до дна...
Что ты был не ангел, а демон,
Мне под утро шепнула луна.

Владимир Ром

Эта ночь была нежным пленом,
Сном девицы сердечной мечты.
Был то ангел, а может демон,
Невозможно попутать в любви
Ангел в небе лишь дарит ласки,
Демон сердце на части рвёт.
Лишь в глубоком дурмане от дури,
Дева этого не разберет.
Ангел ладаном пахнет - цветами,
Демон водкою и табаком.
Перед тем, как сближаться с женщиной,
Хорошенько подумай о том.

Роман Карнизов

Разбери на части мою левую руку,
ладонь и печень заверни отдельными кусками в
деревянный ящик, в почтовом отделении за
паспорт и штампик отправляй мне медленно то,
чего хочешь, о чем знаешь, во что веришь: свою
систему воззрений на мир.

Я положу ее в толстую папку, в стол, в
отдельную комнату, закрою на ключ, уйду из
дома - никому не нужна будет твоя
откровенность, нагота ощущений,
скальп без лица, без маски.

Владимир Ром

Хотите разрубите себя на части,
Только не трогать правую руку.
В ящик сложить отдельными кусками,
И паспорт не забыть, поставить штампик.
Отправить медленно по почте всё то, что
знаешь, во что веришь, скальп без лица, но ты
узнаешь свою систему на мир воззрений. всё,
что хранишь ты в толстой папке, в отдельной
комнате, на ключ закрытой, та откровенность
ощущений,
Совсем не нужной, давно забытой.
От грязных мыслей тобой отмытой.

Руслан Элинин

Есть женщины бутылка ледяной водки
от них становится жарко
Есть женщины ящик пива в дождливую
погоду дома от них утром болит голова
Есть женщины пара вермутов в питерском
подъезде они куда интересней
Есть женщины друг с подругой и
бутылкой коньяка они как второй
просмотр фильма
Есть женщины пачка индийского чая и
печатная машинка они вспоминаются
Продолжать можно бесконечно, но вчера

Владимир Ром

Всё ясно, Вы женщин изучили.
Были пьяны, болела голова.
Вам было жарко и утоляли жажду пивом,
Глотали вермут в питерском подъезде до
утра.
С подругой друга и бутылкой коньяка,
Как на втором просмотре кинофильма,
Всё изложили, выпив чашку чая,
На пишущей машинке сгоряча.
Но, что случилось вчера забыли,
И в этом вся распутная душа.

Ры Никонова

Все идиоты в этом мире идиотов
и каждый идиот идет отдельно
Все патриоты в этом мире идиотов
и каждый патриот идет отдельно
И каждый идиот по-каждому живет
В этом мире
в этом мире
каждый — идиот

Владимир Ром

Возможно в чем-то вы правы,
Что в мире очень много идиотов.
Но патриотов сожрала война,
Их не найти среди живущих идиотов
Наверно о себе совсем забыли вы,
Когда писали эти яркие стихи.

Самуил Маршак

Владимир Ром

Поэт советский, драматург и переводчик
Четыре Сталинских премий и Ленинская
одна.

За все труды его, начав с до революций,
Считают, что оплачены сполна.

Санджар Янышев

Женщина спит, ей положено спать.
Мы на доске расставляем фигуры.
Чай адмиральский, коньяк и сигары.
Женщина спит, ей положено спать.
В каждом из нас жил точильщик ножей.
Мы не любили его, и отныне
мы влюблены в эти штучки резные.
Мы влюблены, мы не точим ножей.
Мы истребили все до одного
дни. Мы от альфы прошли до омеги.
Женщина сквозь непрозрачные веки
Ждет одного из нас. Ждет одного.

Владимир Ром

Идея стиха совсем не понятна.
Кто это Вы и кого истребили?
Шли от альфы до омеги не известно когда,
Ножи точили, штучки резные любили,
Чай адмиральский, коньяк и сигары,
Курили и пили с кем и когда.
Фигур на доске расставляли и ждали
Когда же проснутся ваши милые дамы.

Саша Черный

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: "Я шла по улице. В бока впился
корсет",
Здесь "я" не понимай, конечно, прямо -
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт - мужчина. Даже с бороною.

Владимир Ром

Эмансипация не зрима для поэта,
Хотя всем истина известна эта.
И. Если кто-то написал стихи,
Он обязательно мужчина, даже без бороды.

Эпигр.
Родился в городе Одессе с фамилией Александр
Гликберг,
Русский журналист, публицист, поэт-прозаик,
В 1920 уехал за границу,
В Ла Фавьере закончил жизненную баталию.

Света Сдвиг

ставлю стакан воды, полуоткрыв рот как
веерами отмахиваясь у пинг-понгового стола
переступают грузинская и слева украинская
принцессы, каждый удар как два их шага на
каблуках города звучат серьёзной стран стыд
история идущий от шеи к пальцам свет
рассказывают танцуют перегибаются над
столом,
в зале заседаний говорят они скоро вступят в
НАТО, яна отвечает точно и резко, шорена
протягивает руку, она берёт воду

Владимир Ром

Она берёт воду и ставит стакан
Шорена протягивает руку и скоро вступает в
нато.
В зале заседаний города звучат серьёзной стран,
У пинг-понного стола отмахиваясь
Полураскрыв как веерами ротик.
Грузинская с украинской принцессой,
Танцуют перегибаясь над столом,
Стыд история, идущей от шеи к пальцам,
Каждый удар как два шага перед концом.
Всё это написала нам Сдвиг,
В творческом экстазе как псалом.

Светлана Заготова

Ты сказал, что подаришь мне мир, весь мир.

И я слышу, как под звон золотых фекалий поет зима свою холодную песню.

И ласки голубого песка щекочат грудь. И крокодиловый пояс лоснится и прячет сквозящую бездну, где зеркальная пуповина мигает глазами потомков.

В них нет твоей желтой звенящей крови. Это живописные лица, а не аляповатые слепки.

Владимир Ром

Под звон золотых фекалий,

Ты хочешь забрать весь мир.

Влезть в крокодилий пояс

С шубой песцом голубым.

Мигает глазами потомков,

Зеркальная бездна твоя.

В тебе нет желтой звенящей крови,

И лицо твоё живописное яркое,

Является нам без причины,

А не аляповатый слепок пуповины.

Светлана Заготова

Ты сказал, что подаришь мне мир, весь мир.

И я слышу, как под звон золотых фекалий поет зима свою холодную песню.

И ласки голубого песка щекочат грудь. И крокодиловый пояс лоснится и прячет сквозящую бездну, где зеркальная пуповина мигает глазами потомков.

В них нет твоей желтой звенящей крови. Это живописные лица, а не аляповатые слепки.

Владимир Ром

Под звон золотых фекалий,

Ты хочешь забрать весь мир.

Влезть в крокодилий пояс

С шубой песцом голубым.

Мигает глазами потомков,

Зеркальная бездна твоя.

В тебе нет желтой звенящей крови,

И лицо твоё живописное яркое,

Является нам без причины,

А не аляповатый слепок пуповины.

Светлана Иванова

Маски...Танцы...Льстивые признание
Кружатся в танцы...Придворные дамы.
Ковалеры думают о ночи.
Где и кто проснется утром?
Льстивые слова греют сердце дамы.
Вот глядишь растает она от признаний.
Ковалеру не в терпешь...
Но дама во все не глупа.
Её не взять вот так
Она сама великая вдова.
Её страсть брюлики и признания выше.
И везде она лишь выгоду она ищет...

Владимир Ром

Базар любви, в простонародий тусовка,
Маски, балы, танцы – высший свет.
Сходятся самцы и самки,
Чтобы от друг-друга что-то поиметь.
Основной товар – любовное свидание.
У кого на час, у кого на миг.
Но, бывает так,
Что на всю жизнь заключен для обуз
Крепкий семейный мировой союз.

Светлана Шиманская

Сберечь духовный стержень - высшее искусство...

А нам так хочется добраться до вершин...

И Жизнь воспитывает нас, сжимая чувством

До хруста мыслей и безмолвия души...

По кручам липких грёз взбираемся упорно,

Безумно выбросив страховку "совесть-честь"...

И забываем - то, что тленно - иллюзорно...

Ведь время сжато в точку - "было-будет-есть"...

Миф разрушается, сползая до "равнины"...-

Меняет время мысли, формы и цвета...

И понимает разум... - нет важнее вершины,

Чем свет любви в душе и мысли красота...

Смерть зацеловывает так, что не проснуться...

И оставляя бездыханными тела,..

Нам позволяет к сфере духа притянуться,

Сжигая низшие энергии дотла...

Ну, а пока - живи и ведай - всё едино...

Цени все грани жизни-смерти...- мудрым будь!

Любовь бессмертна...- золотая середина

Всего того, что нам дано,.. не позабуди

Владимир Ром

Не упускай из рук духовный стержень, пусть он по

жизни проведет тебя, сквозь бурю мыслей и идей

торнадо, чтоб от дурных ненастей устоять всегда.

Ты смотришь точно в точку, что было, будет и что есть.

В людском крошечном и густом тумане, не упускай

страховку совесть - честь. чтоб жизнь дала тебе ключи

от счастья, камин энергий полон был всегда, держи

штурвал намеченного курса, в фарватере людского

бытия. что есть бессмертие и что есть вечность, в

космической энергии всегда? Сказала Ты - любовь

бессмертна, наверно Ты права, как никогда.

Семен Липкин

В иной какой-то жизни был духовен
И музыкален, кажется, мой слух,
В теперешнем рожденье стал я глух,
И глухотой другою, чем Бетховен.
Но твердо знаю: музыка — весна.
Красноречиво, хоть и бессловесно,
Нам говорит о том, что всем известно.
И все же в каждом звуке — новизна.
Что ей слова, когда есть шелест, шорох
И дальние признания скворца,
Когда сирень у самого лица
И юность яблонь в свадебных уборах,
И все земное светом налито,
И сколько листьев, столько и мелодий,
И что-то просыпается в природе,
Я силюсь вспомнить и не помню — что?

Владимир Ром

Оценка музыки прекрасна,
И большего сказать нельзя.
Хотя ссылаетесь на Бога,
Что не у всех с рожденья глухота.
Природа музыки – гармония звуков
Нам в ощущении Богом дана.

Сергей Бирюков
едва успеешь выйти из дома
и запнешься на перекрестке
эта окрестность тебе знакома
пыльца небесная белей известки
остановись посчитай ступени
раздвинь шиповник кровавая пальцы
из ниоткуда возникнут тени
и вопрошая пройдут скитальцы
сквозь мелкий морок дождя и снега
проступит лика овал печальный
в колючий сумрак всплывет омега
внезапно вспыхнет глагол начальный

Владимир Ром
Внезапно вспыхнет глагол начальный,
Когда всплывет твоя омега,
И исказит твой лик печальный,
Излишний перебор бокальный.
В белой горячке возникнут тени,
Пройдя в шиповнике ступени,
Кровавая пальцы, пройдут скитальцы,
Сквозь мелкий морок дождя и снега.
Эта окрестность тебе знакома,
Когда не пьешь ты очень много,
А коли выпьешь сидел бы дома,
Не путая горячку с пылью извёстки

Сергей Есенин

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется - на душе светло.
Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.
Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.
И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в алостях зари.

Владимир Ром

Гордость русской нации,
Воспевший Россию поэт.
В хмельном дыму проживший,
Его таланту пересуду нет.

Эпигр.

Выдающийся русский поэт,
Представитель имажинизма и крестьянской
поэзии.
Убит был правящей верхушкой коммунистов,
Под версией его самоубийства.

Сергей Ивкин

что вы киваете я вам сейчас как врагу
а не какой-нибудь финтифлюшке
с дамской подмышки – до полицейской
наружки всю подноготную выложить сходу
могу чахлых берёз выгибаемых ветром в дугу
долгих эскортов увядших в таёжных болотах
поле чудес край непуганых идиотов строй
крепостных выжидающих на берегу в дни
наших детств поминали пластинку но здесь
не по спирали регрессия а по фракталам
вот где свобода напёрсточникам и каталам
красною плесенью по всем заборам расцвести
смысла всего два у жизни надежда и месть всё
остальное депрессия и паранойя, что вы киваете
вам обещали иное честь говорите попробуем
это учеть

Владимир Ром

Жизнь по серьёзному вы оценили,
На жажду и месть всё вокруг разделили.
Это не верное ваше мнение,
Есть и другие в жизни явления.
Жизнь безгранична как небо большое,
Есть в ней любовь и конечно есть честь.
Как вы заметили очень нескромно,
Следует это бесспорно учеть.

Сергей Кынчев

Я не отдам вам шар мой даром
Я не отдам вам шар мой
Не отдам
Шар мой даром
Я не вам
Не стоящим на седьмой ступени
И за деньги
Шар сей
Мой Персональный талисман от отупения

Владимир Ром

Ваш шар никто у вас не просит,
Не нужен он ни нам ни вам.
Ваш талисман от отупенья
Фантазий не серьёзный хлам.

Сергей Лейбград

Пускай уходят солоно хлебавши
держатели арен и ярлыков.
Искусство - это правда проигравших,
как христианство первых двух веков.

Слепой старик забыл ключи от дома.
У нашей жизни середины нет -
всё на краю, на линии разлома.
И ночь страшней, когда включаешь свет.

Владимир Ром

В своих стихах совсем вы не правы.
Держатели арен и ярлыков миллиардеры.
Для них искусство дойная корова,
Даёт зелёненькое денежное молоко.
Вся наша жизнь края и середина.
Богатство с края, с другого нищета.
Средина вся с восхода до заката,
Как в рабстве трудится не видя дня.

Сергей Луговик

игрушечное электричество бегаёт в проводах
дома разговаривают движениями
водопроводных труб разговор начинается и
заканчивает вода разговор начинается ночью
заканчивается к утру дверь тяжело скрипит
выпускает наружу тень, маленькой мышью
бегаёт лампочкино пятно по тяжёлым от сна
обоям по пустоте,
которую в каждом предмете рисует ночь
так качается темнота маятником вперед и назад
баюкает, шепчет на ухо ложись усни
останавливается сама, сворачивается в глазах —
так вздрагивая сгорает тонкая вольфрамовая нить
в глазах заводится желтая маленькая змея
вьется ворочается и уползает внутрь
ползает в теле, храня электрический яд
чтобы ему не заснуть
навсегда заснуть

Владимир Ром

Шумы природы безграничны,
И света обликов не счесть.
Шумит всё то, что движется в природе.
Бликует всё, где светит свет.
Замечу лишь у звука и у света
Одна природа и зависит от длины волны.
Где свет и звуки, там есть волны
И это всё они, они.

Сергей Магид

любую книгу с полки снимешь, а там Медуза с
вьющимися волосами ненависти
Горгона с глазом зависти и боли и окаменеешь
не в силах ни услышать чужую речь ни
высказать свою
и так в молчании вернешь обратно шкафу
его горячую плоть жгущую пальцы
и поплетешься прочь по коридору
между стеллажами сгорбившись, как каин
и иуда в одном лице будь проклята
библиотека.

Владимир Ром

Если во всех изданиях книг
Сидит лохматая Горгона
С глазами зависти и боли
И не даёт работать там.
Диагноз точный у психиатра
И курс лечения нужен вам.
Не надо клясть библиотеку
И книги тоже не при чём.
Вам нужен строгий курс лечения,
Прогулки в парке и тихий сон.

Сергей Медведев

На теле Земли парша завелась,
И тысячи лет разъедает покров.
Славянское племя, Земля позвала,
Очистить от скверны и души и кровь.
ИСТОРИкам мрачным пора бы понять,
Что Солнечный луч предваряет восход.
И мысленный ход им придётся менять,
На западе Солнце находит заход.
Разрушится морок и мрак пропадёт,
Славянское племя сбросит оковы.
И новое, светлое время придёт,
Мы новые примем для жизни законы.
Закон справедливости должен царить,
Закон о всеобщем и светлом учении!
И Солнечный круг над Землёй воспарит,
Изменится ход и течение времени*.

Владимир Ром

Вы как марксист трактуете законы,
Как коммунист обещаете светлую жизнь.
И как пророк религии славянской
Предсказываете явления в вращениях Земли, но
жизнь Планеты движется иначе,
Большое множество на ней религий и племен и
время всем в истории покажет.
Кто выживет, Бог даст и кто из всех умён

Сергей Михалков

Владимир Ром

Он в гимне Страну нерушимой воспел,
За это она его награждала.
Распался СССР, страны не стало,
Ушел Серёжа с пьеде

Сергей Морейно

сухо и холодно: ни мандаринной корки,
ни змейки очереди. холодно и пустынно
пара карих глаз (непутевый Генрих,
что, и здесь встречаются самарянки?)
что, любовь имеет место под этим ветром? кто
ж тут дышит в ухо, целует ноги, гладит волосы
(отвечай несчастный!), для кого дворы
застилают марлей, водосточные трубы рисуют
сажей - знаешь? знаю ли? мы никому не
скажем...Кажется, они здесь уже были, но пусть
побудут еще.

Владимир Ром

Всё так загадочно, интимно,
Самаритянки, дворы и трубы с сажей,
Даже противно.
Напьёшься и согреешься от мандаринной корки.
Погладишь волосы, подуешь в ухо,
Подует ветер, всё будет сухо.
А ноги точно ей целовать не станешь,
Об этом знаю, ты никому не скажешь
И в змейке её очереди ожидать не станешь

Сергей Огурцов

Вы будете, читая, узнавать
Секрет – за тайной, тайну – за секретом
(Порядок произволен и не важен).
Их можете потом... скрывать от всех!
Беречь, почти как самое святое:
Буквально, как алмаз, зеницу ока;
Как полковое знамя под обстрелом;
Хранить, как эта... Моника Левински
Хранила не постиранное платье;
Или Варвара (в будущем – святая)
Блюла невинность, плюнув на карьеру...
Но все же лучше в жизни применить
Какие то методики – ей богу,
Они помогут вам не только в сексе.
На этом предварительную часть
Пора закончить – слишком затянули.
Благословляем действовать! Аминь!

Владимир Ром

Узнали тайну вы о Монике Левински,
Что та хранила не постиранное платье,
Как самое святое дорогое.
И, как невинность у Святой Варвары,
Была дороже, чем карьера жизни.
Что в сексе вы методики познали,
Каких ей-богу никогда не брали.
И, что читая вашу писанину,
Чтец будет тайны и секреты познавать.
Да вот не знает, где секреты те искать.

Сергей Пичугин

Пруд замолкает к полуночи. Надо
свершиться щучьим велениям яви. На
тёмной воде тают кувшинки, теплеет
родная светлица, голос Аленушки
дальний, ладьи лебедей.

Шёпотом сказок текут молодильные
яства, яти и ижицы ищет в родном
словаре серпик луны, и уже в ожиданье
томятся глазки царевн в молодой
лягушачьей икре.

В небе стрела просвистит околдованной
птицей, сверху послышится плеск
золотого огня, топот знакомых копыт, и в
пруду отразится шумно к водиче
прильнувшая морда коня.

Владимир Ром

Мчится мысль по строкам, как в
околесице, яти и ижицы толпятся в жаром
горящей башке.

Стрела пролетела околдованной птицей,
Сверху послышится плеск золотого огня.
Топот летающих птиц и в пруду отразится
Жизни прошедшей туман-пустота.

Сергей Свиридов

вишневые глазные яблоки таки повыболтали
ябеды все то о чем молчит хозяйка и от чего так
пальцам зябко
здесь август должно падать звездам,
но тучами заполнен воздух и исполнение
желаний отложено в связи с делами
того кто должен нами ведать
с одним из трех восточных ветров
до лучших дней
привстань на цыпочках и прошепчи пока
успеешь утянуть на дно зрачка
картинку отражение двойника

Владимир Ром

Картина отражения двойника
На дне зрачка глазного яблока.
Всё то, о чём молчит хозяйка,
Повыболтали ябеды раскольники.
И от чего так пальцам зябко,
До лучших дней отложено с делами.
Привстань на цыпочки и прошепчи пока,
И исполнение желаний
С одним из трех ветров.
Прейдут, как гости из нерваны,
Как предсказания волхов.

Сергей Сигей

вечерний паук сенокосец приносит косу жду из
браженного жерла старинной пушки пушкина,
летающие клубы дыма превращают лошадь
скрипку
и немножко нервно женские тела
очень текучие
тела растекшиеся течкой перекинута
через речку ручку дерева
в левом нижнем углу
течет хрусталь ангела
по растекшейся лаве
ползает маленький аленький паучок

Владимир Ром

Ползет маленький аленький паучок
Из браженного жерла пушки.
Превращает лошадь в детские игрушки.
Вечерний паук сенокосец приносит носу нужду.
Женские тела очень текучие
Вызывают у Сергея нужду.
Через речку клубы дыма растёкшиеся
Плывут как в небе дрова.
Как хрусталь заблестят глаза
По расплавленной лаве у ангела

Сергей Соловьев

Зачем, с душой неутоленной
Весельем Зевсовых пиров,
Я приведен под твой зеленый
Приветно шелестящий кров?
Припав лицом к коре холодной,
Целую нежные листы,
И вновь горят любви бесплодной
Несовершенные мечты.
Как зелени благоуханье
Мучительно душе моей,
Как сладость твоего дыханья
Струится с лавровых ветвей!
Но ствол не затрепещет гибкий
И не зардеет лист. В тиши
Чуть слышен стон твоей улыбкой
Навек отравленной души.
Былой тоской, любовью старой
Душа больна. Уныл, суров,
Один, с печальной кифарой,
Брожу, тоскуя, средь лесов.

Владимир Ром

Увы, душе неутолённой огонь любви не
возвратить, любви безмерной неуёмной
Не позабыть и не убить.
Одно лишь в жизни утешенье,
Её зелёный шелестящий кров,
Где вам ловить её дыханье
И это дар любви Богов.

Сергей Стратоновский

Ты — Горох, Скоморох, Обезьяныч мужичок в
обезьяньей избе, почему обезумевший за ночь
Я пришел за наукой к тебе?
Я живой, но из жизни изъятый
По своей, по чужой ли вине?
И любой человек обезьяний
И полезен и родственен мне
Скоморошить? Давай скоморошить
В речке воду рубить топором
И седлать бестелесную лошадь
С человеческим горьким лицом
За избенкой — дорога кривая
Ночь беззвездна. Не сыщешь пути
И квасок с мужичком попивая
Сладко жить в обезьяньей шерсти

Владимир Ром

Скоморошить решили в деревне
За избёнкой дорогой кривой.
Лучше б в город с дружкой заглянули
В дискотеку и клуб голубой.
Там водою сухой окропили б
Молодёжь без мирских забот.
И на истинный путь возвратили
Голубых от своих нечистот.
Есть над чем скоморошить, дебошить
В каменных джунглях людей.
Еще слаще вам жить обойдется
В обезьяньей шести своей.

Сергей Сумин

Все мы гребём этот мир под себя,
каждый из нас пуп земли.

Не принимаем, "что ты для других, и не всё для
тебя," что ещё до тебя в небе звёзды зажгли, где
ты был, когда ещё не родился на свет? Что
делал, во что одевался, думал о чём?

А знаешь, что необходимой случайности бред
до тебя, для того, чтобы ты посетил этот дом,
этот город, страну, этот старый и странный
мирок ничего не коснувшись, не тронув, не
зацепив... Но мы же всё тянем с усердием в свой
уголок: то моё, для меня- ничегошеньки не
заплатив.

Владимир Ром

Все мы приходим в этот мир

На миг на час иль на 100 лет.

Кому как в жизни повезёт у Бога лишь ответ и,
что достанется кому в могилу не берем, на миг
касаемся к тому, что Бог кому даёт. земля
богатства золото вечно на земле. приходят люди
и уходят, каждый рвёт себе. за деньги золото и
камни друг друга убивать

Борьбу законом прикрывать, как фиговым
листом.

Улыбку дружбы сохранять при этом и при всём.

Обман про равенство внушал еще Иисус

Христос.

Но, до настоящего ещё никто к нам не донёс.

Сергей Ташевский
Парикмахер меня отбрил.
Я словами заговорил.
Долог полет волос,
Ножницы пляшут нетрезво...
У парикмахера нос.
Мой. В руках. Он отрезан.
Уши как листья падали.
Словно в осенние дали:
«Вас освежить не надо ли?»
Освежили. Сказать не дали.
Свежий и круглый иду.
Не чую ни нюхом, ни ухом.
И полнится жизнь на ходу
Цивильным цирюльным духом.

Владимир Ром
С вами понятно всё,
Постригли и побрили.
Сделали всё как всегда и везде,
Пикнуть не дав, освежили
Уши и нос, как ненужный предмет
Тоже с лица удалили.
Но, вы отделались видно легко,
Губы и зубы остались.

Сергей Тимофеев

Ты помнишь, как волны шатались огромные по
пляжу в поисках выпивки, их шляпы, их трости,
их челюсти британские свистели, и пена летела
пощёчиной любому заядлому остроумию.
И местные жители в майках с надписью Love
Ме озабоченно слизывали песок с ладоней,
пройдясь по дорожке вдоль дюн.
Волны вышвыривали нас на песок,
не особенно соображая нашу природу и смысл,
а мы даже рады — почти что пели, шупая дно
пальцами ног, а потом отлетая в сторону в
брызгах нокдауна. Кожа вздыхала счастливей.
В зелёном тонет зелёное и в голубом голубое. а
там где и цвета не разобрать, тонет всё, что
попало — осколки посуды и камни, кожура
апельсинов, комиксы и коробки из-под печенья.
море — сырая вода, ест само себя и довольно.
А двуногие мы от счастья кричим, когда нас
мотает туда и сюда сумасшедшая няня.

Владимир Ром

С волнами вы подружили,
Только о главном забыли.
Зона прибоя коварна,
К людям живым беспощадна.
Рушит граниты и скалы,
Крушит берега и причалы.
В море всё живое уносит,
Не лезьте в прибой, если не просят.

Сергей Уханов

практический нечестивец практикующий здесь
разлад трепещущий всем величием, колкий, ты
норовишь бедную грацию оставить нанести
урон; вдоль насыпи зелёным глазом отслеживал
филигранности, ухмыляясь, довольный собой,
подмечал у этих неверных разногласия,
составлял протокол строчил в этих бумажках
(памятник, монумент, твоя юркая служба): у вас
явный бог, у вас бог заблуждающийся, у вас —
отступник реабилитирующийся, ну и *** с ним;
прерываясь на цепь вещественных
доказательств затем в инкрустированный
драгоценностями панцирь пялясь
разглаживал медленно и восторженно складки
лица тем самым освобождаясь от излишеств
повес, прежних нагромождений, затравленных
копий, и — уже с облегчением — отступал в
непристойное

Владимир Ром

Протокольный стих, отслежены филигранности,
У неверных подмечен разлад
И отобраны вещественные доказательства
У подследственных на мой взгляд.
Только вот в непристойное отступил
совершенно зря. стих обгажен пахабной
скабрёзностью,
Бог накажет за это тебя.

Сергей Щёлоков

Всё сказочное о земле - снег и лед, -а потом уже
вода, все сложенное на столе
не поет - а поэт поет всегда, все складывая на
столе, на полу, все сказывая то в тепле, в пыли,
то в холоде в ознобе,
то в священной злобе в любое время года,
и его только тронь... Земля ничего не знает про
воду воздух и огонь. про то, что у земли внутри,
никто никогда не напишет.

Поэта провели герои и цари - но змеи, мыши,
весь двумирный сброд, слепые и глухие его не
обманут, если он умрет - то в стихии. Тумана в
это время не будет, не будет грома с неба, будут
звери, а не люди и двери изо льда и снега.

Владимир Ром

Как пророк в ознобе всё перечислил в стихах, о
воде, земле, о Боге, о поэте и о лете, о зиме,
огне, воде.

Обо всём сказал в пыли на столе и на полу, о
героях, о царях и о змеях, о мышах, если он
умрёт в стихии

Среди грома и тумана, но, замечу без обмана не
сказал он ни хрена.

Серж Флейринг

В догонку
 понедельнику

Вторник не
 кричал

Не смотрел и не
 завидовал

Он знал что за ним
 придет Среда

Владимир Ром

Среда, ну что за ерунда, наш милый Серж,
Средой жонглировать ведь можно тоже.
Подбросил вверх, за ней четверг,
Бросай вверх пятницу, за ней субботу.

Но в воскресенье отдыхай,
Все отдыхают в воскресенье.
Ты все в достатке набросал,
На гениальное стихотворенье.

Соловьева Тамара Томашевна

Вновь грустно отцветают георгины,
Рыжеют травы, падает листва.
Но "греют" осень клены и рябины,
Как будто душу теплые слова!

Т.Соловьева "Осеннее шоссе"(пастель)
2007г.

Владимир Ром.
Вы так ловко шьете кистью,
Осени стихами полотно,
А в скупых словах и строчках,
Ярко, живо смотрится оно.

Я желаю Вам больших успехов
В творчестве излить себя.
Вы на правильном пути Тамара.
Будьте счастливы и радостны всегда.

Станислав Ежи Лец

Владимир Ром

Польский сатирик, афорист и поэт
Стихами нас радовал тридцать лет.

Станислав Красовицкий
О, Весна! Это, верно, ты. Это ты, моя дорогая.
будем жить, себе песни слагая,
и друг другу дарить цветы.

Вот цветок магазинной обновки,
вот цветок золотистой головки,
хризантемы неяркий росток
и зелёный военный цветок.

Говорите, хотите про это,
про несчастья военного лета,
про цветы обожжённых рук,
но я слышу железный звук:
вырос чёрный цветок пистолета.

И когда подойдет мой срок,
как любимой не всякий любовник,
замечательный красный шиповник
приколю я себе на висок.

Владимир Ром
Как фокусник всё показали,
Всё цветами вокруг обыграли
И несчастье военного лета
Показали зелёного цвета.
Даже чёрный цветок пистолета
Вы придумали к грустной картине.
Чтобы красный шиповник кончины
Прикололи себе на висок.

Станислав Минаков

На каноне покаянном как нам страшно,
окаянным, исказившимся в лице!

Свечка каплями печётся, обо всех Господь
печётся. и о мне, о подлеце.

Крест кедровый, треск искристый.

Что Андрей ни молвит Критский, —

Это точно про меня, Я во всех грехах виновен
празднословный гордый овен, саблезубое ягня,
заковыка: как ни просишь, в жертву не себя
приносишь, раззудись, душа, виной, жги колени
студной мукой; перед судною разлукой —
нощный мраз и дневный зной, плачешь?

Плачешь. Ах ты, зая! Покаянье лобызая,
отрезвляясь ото сна. Марфа с Марьей на иконе,
и оне со мною ноне.

Накануне. На каноне, и обновка не тесна.

Владимир Ром

Покаянье ваше ясно, саблезубое ягня.

Празднословный гордый овен подлецом зовёшь
себя и про крест кедровый молвил схоронить
решил, но зря, в жертву тычешь не себя.

Душу раззудить виною просишь перед судною
разлукой, нощный мраз и дневный зной,
Не носить всегда с собой. а в иконе Марфа с
Марьей улыбаются тебе.

Всё с тяжелого похмелья

Отрезвляется во сне.

Станислав Шуляк
Ты человек
равен молнии
тебя испепелившей
равен грому
тебя оглушившему
равен траве
тебя ласкающей
равен ветру
тебя сокрушившему
равен водам
тебя затопившим
свыше смысла твоего
человек равный миру
и равный мигу
гордый бременем
равенства твоего
человек

Владимир Ром
Равный мигу и миру конечно,
Гордый звучит человек.
Но, надеюсь будет точно сказано,
Укорачивает нашей планеты век.

Стелла Мороцкая

Пена моря пышным бантом затвердела у залива.
Нет свободы алефантам, Прочь плывут
неторопливо два мальчишки озорные
Вышли в море прогуляться и глаза их голубые
Вдаль холодную стремятся К горизонтam, где
дельфины беззаботные резвятся,
И согнув крутые спины в море теплом
веселятся.
Шаг за шагом - глубже в море - уходили
«Магеланы», нарастает в мире горе.
Скрыли спины их туманы.
Матери зря слезы лили, сотрясая криком холод,
Дети их страну открыли, обрели дельфиний
город.

Владимир Ром

К горизонтam , где дельфины
Беззаботные резвятся,
Дети их страну открыли,
Обрели дельфиний город.
Стих сварганили вы лихо
Радость смерти восхваляя.
Матери зря слёзы лили,
Криком холод сотрясая.

Сухбат Афлатуни

Пыль оседает, съедая вечернюю мебель.
Двое молчат, заблудившись ладонями в
небе.

Фотолюбителем бродит по крышам закат;
видишь, его фотовспышка теряет накал,
Двое молчат, недовольные снимком
скандала —

сходство найдя только в левой (летащей)
сандалии.

Бродит закат, в объективе его — всё
темней.

Пыль оседает, и кот пробегает по ней.

Владимир Ром

Двое молчат, наблюдая вечерний закат,
Кот в объективе заката теряет накал.

Двое скандалят, попутав местами
сандалии.

Субхат все заметил, стихи накатал.

Тамара Буковская

Я уже ничего не успею,
и не стоит уже успевать...
Дождь июльский, с разбрызгом и пеной,
даже в памяти не удержать.
Золотая пыльца на страницах,
золотое сверканье Невы,
когда медленно солнце садится,
и с тобой мы, так странно, на "вы".
Как стремительно сладко, как быстро
пролетела, прошла, пронеслась
жизнь — не птица и не колесница,
а над духом телесная власть.

Владимир Ром

Время жизни отпущено богом,
Надо всё и везде успевать.
Никогда Ты не падай духом,
Тело создано жизнь продолжать.
Золотую пыльцу на страницах
Постарайся ещё удержать.

Тарас Трофимов

Руки-крюки, сволочи-глаза —
За тебя прогласовал я “за”,
Черный шарфик вейся-обнимай,
Вот и наш тырнадцатый трамвай.

Надоели липкие гудки,
Ты возьми в ладони — и теки,
Подо мной двенадцать этажей,
Видимо, не выронишь уже.

Что-то в одеяле — это ты,
Падает окурок с высоты,
Заблудились в городской степи
Триста два окна напротив. Спи.

Владимир Ром

Чёрный шарик вейся-обнимай
В одеяле городской трамвай.
Подо мной двенадцать этажей,
Можно прыгнуть, но без виражей.
Заблудились в городской степи,
Надоели липкие гудки.

Падает окурок с высоты,
Думал это вывалился ты.
Руки-крюки, сволочи глаза,
Не сдержали мысли тормоза.

Татьяна Белая Роза

Я в жизни иду наощупь,
Себе до конца не верю,
Встречаю зло воочию,
Стучусь в закрытые двери...
Терзаюсь опять сомнениями -
Как быть и что дальше делать?
И снова порыв нетерпения
Велит поступать мне смело...
Любить - так совсем безоглядно,
Простить - чтоб совсем не вспомнить,
И верить в себя ежечасно,
Чтобы жизнь вновь счастьем наполнить!

Владимир Ром

Вы ищите у жизни счастье,
Стучите в закрытые двери,
Чтоб жизни бокал переполнить,
Тем, что уже имели.
Счастье нельзя измерить,
Нельзя им сосуд заполнить
И не купить за деньги,
В него надо только верить.

Татьяна Вольская

Пусть не липло золото ко мне
И дорогих не видела камней,
А прозябала, в рубище рядясь...-
Спасибо, что ко мне не липла грязь.
Пусть не дано мне счастье испытать -
Лишь в тяжелой доле годы коротать
И не дошла ко мне благая весть –
Спасибо, Господи, хотя б за то, что есть.
Спасибо, Господи, что я ещё жива,
Что не склонилась ниже голова...
Пусть не дано мне «Аллилуйя!» петь –
Спасибо, что могу ещё терпеть

Владимир Ром

Господь создал планету и природу.
Всех жизней на Земле не счесть.
А золото и дорогие камни у немногих,
Которых убиваю лишь за то, что оно у них есть.
Не обращай внимание на невзгоды.
Возможность творчества и жизнь Бог подарил.
Живи и радуйся природе
И будет свет дневной и век твой очень мил.

Татьяна Грауз

над поляной сгущаются вещие сумерки
на серебристой и почернелой скамейке
горюет блаженный ребёнок, а у торговой
палатки пестреют в беспамятстве степные
арбузы и вязнут в густой темноте люди
плоды и деревья, а выше
(будто ошибка какая) от облака розового
соринкой беззвучной и невесомой
душа моя бедная отлетает, лёгкий-такой-
самолёт

Владимир Ром

В вечерних сумерках,
На городской полянке,
Где горевал блаженный идиот,
Вы были у торговой лавки,
Где люди покупали арбузный плод.
А выше в облаках беззвучно
Летел какой-то лёгкий самолёт
И вырешили, бедная душа больная
Дает последний под занавес отлёт.

Татьяна Данильянц

А что останется? А что не истлеет?
А что сохранится в огне?
А что спрячется и не будет найдено?
А где та влага, которой можно, наконец,
утолить голод и отчаянную жажду, Отец?
И где смех, чтобы вылечить поврежденную
душу?
И где жара, выпаривающая отчаяние вовсе? И
где пластырь любви?
И где капельница милосердия? Где все это?
Где?

Владимир Ром
Вы ищите смех, чтоб лечить повреждённую
душу
И пастыря ведущего к любви.
Огнём хотите выпарить отчаянье
И капельницей милосердия получить
сострадание и точно знать, что останется,
Что не истлеет нигде, что не утонет и не сгорит
в огне, что спрячется и не будет найдено,
спрашиваете, где всё это, где?
Ответят вам все читатели,
Наверное в Караганде.

Татьяна Зима

Строчки сердца, меня исцелите...
Исцелите меня, стихи,
От лекарств меня сохраните...
В их лечении коварства одни
Что-то лечат, а что-то калечат..
Пусть испачкаю болью строку
На бумаге проблемы не вечны,
Даже к магу уже не бегу...
На стихи расплескаю всю душу
И подарит бумага покой
То другим, слезы лить до удушья,
А себя я спасаю строкой!!!

Владимир Ром

Вас жизнь побила, укусила,
Хоть и не знаете за что.
Зато вас даром наградила
Стихи писать уже давно.
В стихах найдете утешенье
От всех житейских горьких бед.
Пишите больше, Бог поможет,
Согреет душу, всё пройдет.

Татьяна Милова

К чему слова, их сказано так много
Но вряд ли ими выскажешь всю суть
И вновь они толпятся у порога
Сжимая все сильнее больную грудь
Как много было сказано в печали
Зачем их снова призывать служить?
Как ветры буйные тоску мою качали
Опять мне предстояло позабыть
И снова я - неутомонный странник
Бреду в пустыне слез и тишины
И снова мне познать не позволяют
Наивные и милые мечты...

Владимир Ром

Слов было множество,
Они толпились у вашего порога
Сжимали и терзали вам больную грудь.
Но не смогли вы высказать бесспорно
В уме застрявшую шальную суть.
И много было сказано в печали
Того, чего не надо говорить.
Зачем же снова все слова сначала
Позвать, чтоб снова Тане послужить.
Как ветры буйные тоску вашу качали
Опять пришлось вам снова показать,
Наивные и милые мои мечты.

Татьяна Нешумова

Бог сделал так, что я не ручеёк,
Не веточка, не тень от самоката,
А человек, родившийся когда-то,
Которому ещё не вышел срок.
Меня приветствуют сосновые иголки,
И я умею это понимать,
Мне каждый миг доступна благодать –
Протянешь руку и возьмёшь, как с полки.

Владимир Ром

Вам каждый миг доступна благодать,
Протянешь руку и возьмёшь из полки.
И нам конечно трудно понимать,
Что человек вы не простого сорта.
Не ручеёк вы, не веточка, не тень от
самоката,
А женщина господнего трактата.
Родившаяся где-то и когда-то,
Быть поэтессой выпала большая честь.

Татьяна Роот

Ступаем мы на корабли...
"Отдать концы!" И - в неизбежность!
Сквозь неба синего безбрежность,
Всё дальше, дальше от Земли!
Ступаем мы на корабли...
Нас манит звёзд далёких Млечность...
А имя кораблям тем - ВЕЧНОСТЬ! -
В ней вновь себя мы обрели...

Владимир Ром

Кто в океане побывал хоть раз,
Его манит он как наркотик.
В нем воздух и простор так чист,
Что ноздри вздутые щекочет.

Тоска по дому тяготит
И сердце возвращенья просит.
Домой вернешься, вновь болит,
Душа в ту «вечность» плавать просит.

Татьяна Танько

Серебристым эхом звонницы,
С гор спускалась благодать.
Он просил у неба вольницы,
Чтоб свободным духом стать.

Снял души одежды белые,
В цвет индиго облачась,
Брёл дорогой леденелою
Босиком, смиряя страсть.
А ростки сомненья змеями,
Расползались по земле.
На гербах застыв, камнями,
В чаше зелья на столе.
Жизни колыбель – Вселенная,
Дети – души-мотыльки,
И любовь благословенная,
С лёгкой, праведной руки
Нам дана, как испытание,
Новый день – молитвы слог.
Мир земной - удел, изгнание,
И заплакал с нами Бог...

Владимир Ром

В эту жизнь серебристой звонницы
Мы влетаем как мотыльки
И в людской толпе безвольницы
Не легко босиком пройти.
А в пороках, сомненьях змеями,
Расползающихся по земле,
Не припасть бы к дурману зелья,
Расставляемых везде.
И лишь тот испытает счастье,
С легкой праведной руки,
Кого она благословила,
Для огня настоящей любви.

А толпа мотыльков
стремится ко всему,
Что горит на Земле
И сгораем мы
быстро иль тленно,
И приходится
Плакать и мне.

Татьяна Чеброва

Стоишь в купальнике и, как плавучий дом
покачиваешься. Плыви – не жди. Потом,
когда водоворот переплывем и будем жить с
тобой, где невода неволить не посмеют, и вода
течь будет млеком-медом, не водой, и ты
смешаешь с влагой молодой свои
неотвердевшие черты, я буду – ты, ты будешь-
будешь-будешь-будешь-бу- магой, над которой
я плыву, как черный гриф, вернее грифель, как
знак водяной на денежке, в руках распавшейся
на тысячи монет. Мы будем... Нет, мы были,
есть и будем – взаперти. Теперь тони, иначе не
спасти тебя мне от касания волны к ноздрям, к
макушке. Мы еще вольнылегчать и
превращаться в кислород. Взаимо-не-спасаемы
– рот в рот.

Владимир Ром

В порыве гнева иль бушующих страстей
Вы начертали опус сей, как с милым вместе вы
Плыли под водой и невод не мешал вам жить с
бедой. вода предстала млеком-мёдом. Смешали
с влагой молодой не отвердевшие черты.
И были вы и он, как чёрный грифель-карандаш,
Как знак на денежке в руках, Распавшейся на
тысячи монет. Вы были вместе взаперти
И превращались в кислород,
Взаимно не спасаемы – рот в рот.

Тимофей Дунченко

И попробовать.

Неуютные эти ваши гробы.

Но зомби здесь умные.

Про свободу думают и говорят что
говорят о свободе только рабы.

И попробовать.

Неуютная идеология.

Но зомби уютные, их уверенней шаг.

По статистике - зомби немногие.

Много дебилов, ошибающихся в падежах.

Владимир Ром

Дебилов много, не вопрос.

Ошибки лепят в падежах

И пробуют себя в стихах,

Где про свободу говорят,

В строку идею норовят

Про зомби вставить, где рабы

Стремятся всем раздать гробы.

Фаина Гримберг

По Ленинскому проспекту шагаю с маленькой скрипкой, обе руки заняты – прядь не откинуть с лица, Зябкие пальцы согреты детской ладошкой, липкой от красного и прозрачного фигурного леденца, дерево машет веткой, осенне-тонкой и голой, шальной предвечерний ветер, смеясь, обгоняет нас. Но вот наконец поравнялись мы с музыкальной школой, снимаю с дочки пальтишко, и девочка входит в класс, а в классе ждет тетя Ира, серьезная тетя Ира, сердитая тетя Ира, музыкальная баба-яга, Хозяйка пока еще маленького скрипичного нашего мира и вдруг проступает в гаммах радужная дуга. Из всех дверей раздается вступление к вселенскому хору. Мягко ложится на пол светлая полоса, хожу туда и обратно по школьному коридору, хожу и слушаю музыку и детские голоса.

Владимир Ром

Вы шли по проспекту с маленькой скрипкой, волосы закрывали глаза. Зябкие пальцы грели ладошки с липкой средой леденца. Училка-морилка, серьезная тетя, музыкальная баба-яга уроки начала, где проступает гамма-радужная дуга и мягко ложится на пол полосой вступление к вселенскому хору, и слышатся с музыкой в коридоре Детские голоса.

Фёдор Сваровский

Солнце скоро взрывается все люди уже улетели
оставили кучу животных и роботов всех,
которые не уместились
оставшиеся радуются: ура теперь мы здесь
люди всё нам ерунда по колено
с нами ничего не будет (согласно закону
антропному всякое стремится стать человеком)
радуются, летают по воздуху
устраивают фейерверки называют друг друга
Татьяна Петровна, Аскольд Тимофеич Антон
Павлович, не хотите ли выпить чаю? умирают
от страсти
устраивают поножовщину верность ставят
превыше чести собирают марки и старинные
монеты в последние шесть часов до самого
последнего момента

Владимир Ром

Оракул Сваровский гласит нам что будет,
Коль солнце взорвётся с планетой Земля.
Согласно закону антропному животными были
его друзья. Теперь величают себя именами
Татьяна Петровна, Антон Павлович, Аскольд
Тимофеевич
И всё вытворяют как прежние люди,
Режут друг друга и бьют.
Коллекции марок, монет собирают
И в старости также все мрут.

Федор Тютчев

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю - о том не
рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

Владимир Ром

Самокритичен и лиричен,
Властитель он и вместе раб.
А то, что мало получал он,
Любой поэт тому был рад.

Эпигр.

Член-корреспондент Петербургской
Академии,
Поэт Российский, демократ.
Любовь и трагику воспевший,
Во всех делах аристократ.

Феликс Кривин

Владимир Ром

Поэт, писатель и прозаик,
Писал для Райкина сатиру.
Когда Аркадия не стало,
Слинял в Израиль Феликс сдуру.

Хамдам Закиров

Моё солнце ласкает иной берег, высушивает водоросли, остатки моллюсков из скорлупы, золотит песок на пляжах моё солнце. О чём говорить с ветрами, снегопадами, холодом? Чувством исполнены — сердцебиение, дыхание, губы. Ими — влажными поцелуями — ты метила дни, истончая и так невеликий зазор между словом и вдохом. Стоило лишь пальцем коснуться воды, чтобы вновь убедиться, как жизнь прекрасна и мимолётно страдание; боль тонет, словно рубец, заживающий на глазах в красной целебной земле, моя радость, в твоей любви. Я теряю рассудок. В глазницах лета — твоё отражение и ещё несколько ассоциаций, которые не передать: юг, журчанье ручья, ты, абрикос, расплюснутый от падения, дарящий свой аромат спелой и сочной глине — нам, воздыхателям, безумно влюблённым в тебя: берег, пенный накат.

Владимир Ром

Ваше солнце ласкает другой берег,
Синее море и пенный закат.
Сушит водоросли, остатки моллюсков,
Золотой песок на пляже и уходит в закат.
А с холодом, ветром и злым снегопадом
У вас не выходит контакт.
Зато о любимой и словом и вздохом с её отраженьем,
Дыханьем, терпеньем и сердцебиеньем,
Теряли рассудок в красной целебной земле.
И влажные губы в своих поцелуях
Вы метили дни, источая и так,
Журчанье ручья, абрикосовый аромат,
В природе и чувствах серьёзный трактат

Хельга Ольшванг

Цепляясь за полу' воспоминанья, спешащего,
как мать, — ещё побудь! — оно за двери;
оставляю город. И самолёт просверкивает путь
сквозь грозовую тучу — дальше, дальше,
луга, огни, полуденный собор и площадь в
точках голубей журчащих, Финляндия в
обломках серых гор, Норвегии края, как
кружево подола, подмочены волной, пока
рассеянная прачка, локтем голым прикрыв
глаза, глядит на облака, на оловянный крестик,
с дымной нити соскальзывающий в зенит...

Земля кончается. Воспоминанье длится.

Под ливнем океан звенит внизу, и тень
перебирая меж волн, всё, что вода спешит
соткать, к рассвету, потянув у края,я расплету
опять.

Владимир Ром

Ваш самолет посверкивает тему,
Сквозь грозовую тучу прокладывает путь,
Летит над океаном, Финляндией, Норвегией,
где край Земли кончается, не в этом его суть.
Рассеянная прачка признала лишь в нём
крестик, с длинной нити соскальзывающий
В зените между тучами на землю не вернуть.
И тень его огромная, гонимая ветрами
По площадям, лугам, соборам куда бы не
взгянуть.

Эдуард Багрицкий

Владимир Ром

Поэт, переводчик и драматург,
До революционного рождения.
Работал на молодой Союз,
Хоть и был буржуазного происхождения.

Эдуард Кулемин

Я вижу голову пловца.

Благословляемая взмахом ему сопутствует пыльца.

Я понимаю, что... Однако, каков сюжет. О, это море – континентальная бурда, где находящийся в фаворе пока еще плывет туда, а не оттуда. Это минус.

Но он не в курсе – это плюс. Под ним стихия затаилась.

Над ним... И я не удивлюсь, что там ему вполне приятно. Водой приравненный к воде, он ощущает, вероятно, себя и всюду и нигде, порой утрируя причину, порой совсем наоборот. Попутно мочится в пучину, чуть притормаживая ход. И кверху поднимая палец, небесполезен, как магнит, функционально выгибаясь, в тугие небеса пердит.

Владимир Ром

Понятно, вам стихи писать

Всё одно, что два пальца вверх поднять.

Вы всё так точно описали, когда нужду свою справляли,

Плывя в нетронутой морской воде. и чтоб в конец пейзаж загадить, решили газы выделять.

Для этого нужды нет вовсе,

мозгов извилин выгибать.

Эдуард Лимонов
С Небытием встречаться рано,
Пожалуй, мне еще успеть,
Придется, деду-хулигану
Немало девок претерпеть.
Небытие, качая шеей,
Пусть ждет меня чудовищЕм,
И наблюдает, свирепея,
Как я у девок мясо ем,
Как глупые и молодые,
Лежат и стонут и мычат,
как сиськи их нестроевые
И животы у них торчат...
"Слезай, проклятый с этой внучки!",-
хрипит ко мне Небытие,
"Не отрывай меня от случки!
Приди позднее-еее!"
И фыркая и рассердившись,
Стоит поодаль в темноте
Пока я с внучкой вместе слившись,
Ее качаю на хвосте...

Владимир Ром

Как голодной куме только хлеб на уме,
Так сексуально озабочен
Лимонов в творчестве везде.
Себя он видит только в случке.
Ему годны любые сучки.
В быту, в строю, в небытие
Он всех и всё качает на хвосте.

Эдуард Ханок

Владимир Ром

Любые жанры Вам под силу.
Но. думаю, что песни по нутру,
Вот и пою, что «Лягу, прилягу»
«У леса на опушке»
Я рано по утру.

Эдуард Шендерович

“И так не выходит и сяк не идёт, они даже пробуют
наоборот – Сначала (чах-щах!) – а в догонку (чих-ших!!)
Бросаю мечи и дерутся без них, ногами лягаются!
Бьются кулаками! За шеи хватают друг друга руками!
И тянут! И душат! Но не умирают вечно грозные
самураи! Вот ночь наступила и звёзды зажглись,
Солдаты по семьям давно разошлись, а два самурая, как
два муравья, в смертельных объятьях всё также стоят.
Один богомол, а другой стекоза – насекомо вылутили
глаза. а с неба их светом ласкает луна – вершина горы в
этом свете видна, летучие мыши проносятся стаей и
птицы ночные, как тени летают.
И если вы будете на востоке, около Фудзи, или около
Токио, в поле, где нет никогда ни души,
В свете луны и в полночной тиши, там у ручья, где
изгиб как змея – Два самурая всё так же стоят.
Бьются с друг другом и не умирают –
Вечные воины самураи!”.

Владимир Ром

Закон самураев строго гласит,
Если не смог ты в бою победить,
Значит утратил ты честь самурая,
Обряд харакири затем совершая.
Вам довелось увидеть тот случай
Иная ориентация обоих их мучит.
Два голубых на арене сошлись,
В объятьях их нет никакого антагонизма.
Есть лишь любовь без эгоизма.
Силу любви не измерить до дна,
Картина любви до сих пор их видна.

Юлия Беломлинская

Сплю я где придётся,
Ем я что придётся,
Прохудилось платье -
Где ж новое возьмёшь?
Я пою "Разлуку"
По дворам-колодцам,
Граждане-товарищи,
Мне киньте медный грош!

Владимир Ром

Спишь ты, где придется,
Ешь, что попадет.
Вещи изнасились,
Где их возьмешь.
Что поёшь "Разлуку" по дворам-
колодцам,
На широкую ногу, совсем не заживёшь.

Юлия Идлис

Вся боль Земли сошлась во мне одной
И обошла всех прочих стороной.
Кто даст мне душу - выжить в этот бой?
Вся боль Земли сошлась во мне одной.
И, вжавшись лбом в оконное стекло,
Я все твержу, что - Боже! - мне тепло;
Я говорю: "Мне на душе светло,
Ведь весь мой мир - оконное стекло!"

Владимир Ром

Вся боль Земли сошлась в тебе одной,
Когда в оконное стекло упёрлась головой.
Надейся выжить в этот бой.
Когда раздавишь стекло головой.
Ты всё твердишь, что голове тепло,
Стекло раздавишь и на душе светло.
Откроешь мир свой за этим стеклом.
Лишь бы что-то осталось в голове потом.

Юлия Скородумова
Так на вершине увяданья
сидит ворона без яиц
уже и даже без птенцов уже.
Проходит мимо маленькая жизнь
и через форточку уходит в зданье.
Сосед шумит косою в неглиже.
В чем растворилась ты, душа моя?
Все - сосны, совесть, осы - все не так, как
нужно.
А тут еще суббота и, возможно, грянет гость.
И белка вопреки всему на ветке гложет кость -
таков у здешней белки ужин.
Все книги врут, что белка песенки поет...
Придет Владимир и ее убьет.

Владимир Ром
Убьёт Владимир Пушкинскую белку
Зато, что больше песен не поёт.
Сидя на ветке гложет кость,
Когда в субботу грянет гость.
На той же ветке, на вершине
Сидит ворона без птенцов и без яиц
И через форточку уходит в зданье
У Юли маленькая, маленькая жизнь.
А совесть и душа её не так как нужно,
Как будто растворилась в той сосне,
Где белка и ворона у неё прижились.
Сосед шумел с косою в неглиже.

Юлия Стениловская

А она сидит в лесу, ничего не знает.
У нее любовница злая-злая -
бьет, кусает, не отпускает,
руки ломает, волосы выдирает,
убить обещает. А она запирает покрепче двери,
сидит, платья чужие меряет,
смотрится в зеркало – ничего не видит,
только нож у горла, да ранки новые.
Она лицо закрывает, глаза смыкает,
запечатывает рот, таит дыхание, бережет
тем и живет. Она никогда не проснется,
ко мне не вернется

Владимир Ром

Сидя спит она в лесу и ничего не знает,
Ничего не видит и двери запирает.
Смотрит в зеркало, но ничего не видит,
Лицо закрывает, глаза смыкает.
Чужие платья меряет, у горла держит нож. На
горле ранки новые, убиться нестерпимо.
Запечатывает рот и дыхание бережет. А
любовница её злая – злая,
Руки ломает, бьет и кусает.
Волосы выдирает, убить обещает
Она никогда не проснется и к Юлии не
вернется.

Юрий Арабов

Я в ящик сыграл, возвращаясь из Штатов,
увы, с высыхающей новой волной.
Меня самолетик, похожий на "Шаттл",
заставил преставиться вниз головой.

И летчик высокого класса Тарасов,
когда в город Шеннон садился, матер,
он так саданул самолетик о трассу,
что выбил, шутя, из работы мотор.

Владимир Ром

Вы лихо сыграли из ящика в ящик,
Видно с нетрезвой совсем головой.
Это все лётчик высокого класса,
Раскинул Вас по трассе широкой
мостовой

Юрий Казарин

Бабочка сядет, и крылья в щепоть
сложит, и воздуху вылепит плоть:
так — с поцелуем в два пальца —
ловят вслепую свечу золотую,
щиплют огонь, как ресничку и мох, —
выдохом Господа полнится вдох
всех, кто сквозь смерть своей кровью присох к
небу, земле или звуку,
вечно вращая в разлуку, переливая в родную
ладонь свой оживающий влажный огонь:
бабочка всюду порхает —
кто ее так выдыхает

Владимир Ром

Кто кровью присох, прилепился, вдавился
К небу, звуку, земле иль воде,
Вечно вращая в разлуку
Или влажным огнем на песке,
Знает только Юрий Казарин,
Выдохом Господа заполнен был он.
Бабочка всюду порхает,
Юрочке мысль посылает
Мысль, как у свечки льётся огонь.
Юрочка пальцами в два поцелуя
Мысль опишет и стих тот готов.

Юрий Кобанков
Пристальный взгляд рисунка.
К пристани тянутся ливни,
подталкиваемые ветром.
Колючий штрих проволоки --
и тяжелеет затылок неба.
Сдвинулся горизонт
и подступает к горлу.
Так однажды рассыпалась
стройная керамика берега.
Базальтовый песок течет меж пальцев.

Владимир Ром
Мазком широким кистью колонковой
Рисунок Юрий стихами написал,
Колючие штрихи из проволок ливней,
Подталкиваемых ветром пристань
поливал.
Сдвинулся горизонт, потяжелел затылок
неба,
Водой рассыпалась керамика дождя.
Базальтовый песок исчез из горизонта
И к горлу подступает холодная вода.

Юрий Колкер

Как ты, Мария? По-прежнему ль смерть
ненавидишь или она научила себя полюбить?
Что с языком? Пригодился арабский иль идиш?
Нужно ль Икбала и Галкина переводить?
Главное: что ностальгия? На родину — тянет?
Смерть ведь сродни эмиграции, только
страшней. Всё ли отъезды друзей, как
предательства, ранят? Как там с Россией?
Хоть кто-нибудь слышал о ней?
Милая невозвращенка! Что жизнь — неудача,
старая новость, кому же она удалась?
Веймарцу разве... А нас прочитают, не плача,
каждый — в себе, над собою наплакавшись
всласть.

Владимир Ром

Вы так страдали ностальгией,
Что смерть готовы полюбить.
Решили жить в стране приюта
Или совсем нигде не жить.
Невозвращенцем окрестились
И думаете предаля иль сглупил?
И вас никто не прочтает,
В чужой стране не нужны вы.
И плач вам тоже не поможет,
Вы там нужны, где рождены.

Юрий Лейдерман

Мы привыкаем незаметно
К неотвратимости теракта,
И наши имена посмертно
Заносит Б-г в свою тетрадку.
И всё по гамбургскому счёту,
Не ошибётся Иегова.
Послать бы это время к чёрту,
Да нету времени другого...

Владимир Ром

На свете есть несправедливость,
Невинных почему-то бьют,
Чтоб запугать того кого-то,
Кто не боится никого.
В политике, как в играх шахмат,
Чтоб запугать противника игры,
Бьют пешек, коней, слонов и прочих,
Чтоб страшно было королю.
Вот и считаем мы неотвратимость,
Терактов для простых людей.
Не защищает Бог невинных,
Лишь только знатных и богатых королей

Юрий Милорава

Шумом - ему не шуметь - густо тут гадание –
кому появлений солнц,
даже солнц - повтор лиственных солнц,
из лучей солнцешёрстных - язык шкур,
ясных зверя шкур - пылесолнц явно всего
дороже на свете эта шкура сияния - низко
низкая шкура - перепонки аллей цветы
заломы веток - солнце он зверь, он зверь
он в лете не виден всюду,
всё, что солнце сорвало обмороками
основ светится под ногами

Владимир Ром

Не Аристотель вы и не Спиноза,
Но в утверждениях своих вольны.
И лексику решили обновить людскую
Словами пылесолнц и солнцешёрстных шкур,
Про шум, гадание, цветах и ветках.
Зверях и лете написали Вы,
Но не затронули других аспектов.
Наверно есть какой-то плюс в трактате,
Но минус очевиден, точно есть.

Яна Токарева

Вот и вечер снова за окном,
и луна уже на небе светит,
не знаю что будет с нами потом,
Ведь не зря говорят время лечит.
Почему в твоих глазах печаль,
Неужели тоже ты скучаешь.
То что мы расстались очень жаль,
Я надеюсь, обо мне ты вспоминаешь.
Ту улыбку грусную твою,
Навсегда отправит память в сердце,
Знай что я попрежнему люблю,
Никуда мне от тебя не деться)

Владимир Ром

Любви охваченное сердце,
Не знаешь чем его унять.
Его и время не излечит,
Тоску из сердца не изгнать.
Но, твердо знаешь, что любимый
Вернется и придет опять.
Ему ведь никуда не деться
От страсти и любви твоей.

